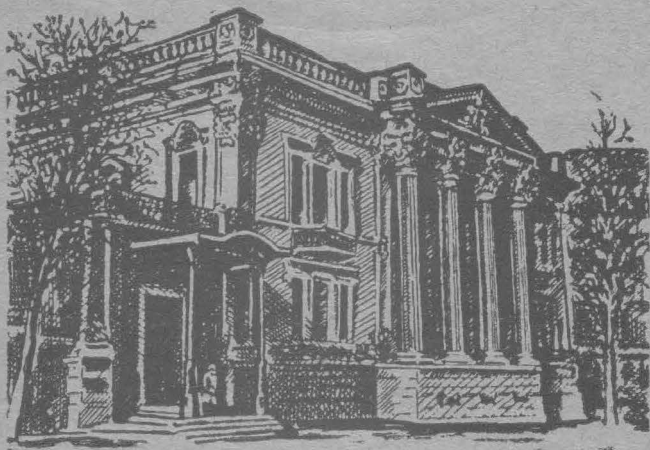

ТАГАНРОГСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК I

ТАГАНРОГ

1957

Л. П. ГРОМОВ.

ЧЕХОВ И ПРИАЗОВЬЕ

«Донецкую степь я люблю и когда-то чувствовал себя в ней, как дома, и знал там каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Саур-Могилу, рассказы про Зуя, Харцыза, генерала Иловайского, вспоминаю, как я ездил в Криничку и в Крепкую графа Платова, то мне становится грустно и жаль, что в Таганроге нет беллетристов, и что этот материал, очень милый и ценный, никому не нужен», — писал Чехов таганрожцу П. Иорданову в 1898 году¹.

Это интимно-лирическое признание Антона Павловича является многозначительным для исследователя биографических и творческих связей Чехова с Приазовьем: писатель приводит ряд важных биографических фактов, восторженно отзывается о приазовской степи и ее балочках, свидетельствует о хорошем знании этого «фантастического края» (по образной характеристике Чехова в этом же письме) и дает высокую оценку ему как беллетристическому материалу.

Это признание проливает свет и на те произведения Чехова, в которых нашел художественное изображение Приазовский край. Чехов из скромности не называет себя в письме, а ведь он выступил как гениальный новатор, использовав «этот материал, очень милый и ценный». Чехов открыл Приазовье для русской литературы. А его повесть «Степь» стала одной из поэтических вершин мировой литературы.

* * *

Следует вкратце остановиться на некоторых биографических фактах, помогающих вскрыть источники ознакомления Чехова с Приазовьем.

Брат писателя, М. П. Чехов рассказывает в очерке «Антон Чехов на каникулах»² о поездках Антона Павловича по Приазовью в гимназические годы. Подробно описывается первая поездка Чехова-гимназиста с семьей к деду Егору Михайловичу в Княжую

¹ А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем. 1944—1951 г. г. т. 17, стр. 277. В дальнейшем цитируется это издание.

² «Чеховский сборник», М., 1929 г.

Антон
Медведев Леопольд Сидорович

всего доброго нам

от автора, помнящего и

господина Сидорова

Росов-Док,

10 мая 1957 г.

(примерно, в 60 километрах от Таганрога) по маршруту: Таганрог — Самбек — Абросимовка (ныне Некрасовка) — Мигрина (ныне Советская) — Чутина, (ныне Горская Порода) — Криничка (ныне Петровка) — Княжная (ныне Плато-Ивановка). Все эти населенные пункты расположены на территории нынешнего Неклиновского района.

Плато-Ивановка была усадьбой графа Платова, а службы его имения находились в Большой Крепкой, в 12 километрах от Плато-Ивановки (в настоящее время Большая Крепкая расположена на территории Родионово-Несветайского района).

О поездках к дедушке Егору Михайловичу говорит и Чехов в своих письмах и в рассказе «Красавицы». В письме к Суворину (от 29 августа 1888 г.) он так рассказывает о своей жизни у дедушки: «В детстве, живя у дедушки в имении гр. Платова, я по целым дням от зари до зари должен был просиживать около паровика и записывать пуды и фунты вымолоченного зерна; свистки, шипенье и басовой, волчкообразный звук, который издается паровиком в разгар работы, скрип колес, ленивая походка волов, облака пыли, черные, потные лица полсотни человек — все это врезалось в мою память, как «Отче наш».

Ездил Чехов-гимназист, как свидетельствует его брат и другие мемуаристы, в расположенные вблизи Таганрога степные хутора и усадьбы Зембулатова и Селиванова.

Жил Чехов в гимназические годы и на хуторе Кравцова в Рагозиной балке (северная, донбасская часть бывшего Таганрогского округа).

Весною 1887 года Чехова, приступившего к созданию повести «Степь», снова потянуло в родные края. Он едет из Москвы на юг, живет в Таганроге, посещает любимые степные уголки.

Попад в район Звереве, Чехов восторгается лунной ночью в степи, его внимание привлекают и необозримая степь с курганами, и «гробовая тишина», и другие «сущие чудеса». «Картина такая, что во веки веков не забудешь», — пишет он сестре Марии Павловне.

Несколько дней Чехов провел у Кравцова в Рагозиной балке и в окружающих ее местах. 5 мая 1887 года Чехов сообщает Лейкину о своих впечатлениях: «Жил я последнее время в Донской Швейцарии, в центре так называемого Донецкого края: горы, балки, лесочки, речушки и степь, степь, степь...»¹.

В переписке с современниками Чехов часто вспоминает с большой любовью степь и свои поездки по степи.

¹ Т. 14, стр. 158.

² Т. 13, стр. 325.

«Пока писал («Степь»), я чувствовал, что пахло около меня летом и степью. Хорошо бы туда поехать!» (1888 г.)¹.

«Все эти сладости (так иронически называл Чехов нравы в буржуазно-мещанском обществе — уязвить своего соседа, уличить других в ошибках и пр. — Л. Г.) я охотно бы променял на возможность уехать в степь, которая мне вчера снилась» (1889)².

«А я стал мечтать о том, чтобы опять проехать по степи и пожить там под открытым небом хотя одни сутки» (1894 г.)³.

«Я по целым месяцам жила в степи и любил степь, и теперь в воспоминаниях она представляется мне очаровательной» (1899 г.)⁴.

О большой любви Антона Павловича к степи свидетельствует и его друг Вл. Гиляровский, рассказавший в своей книге «Москва и москвичи» о встречах с Чеховым и о постоянной теме разговоров — степи. Гиляровский считал Антона Павловича «степняком природным, от прадедов», вскрывая степную «генеалогию» писателя. По мнению Гиляровского, любовь к степи Антон Павлович унаследовал от своего отца Павла Егоровича, который в молодые годы путешествовал в качестве прасола по степным просторам.

«Много раз я беседовал с Павлом Егоровичем... Холодный, расчетливый практик исчезал, и передо мной вставал совершенно другой человек... Видно, что поэзия степной жизни, глубоко вкоренившаяся в юности, и любовь к степи, переданная сыну, таилась в душе его и, хотя изредка, все-таки пробивались сквозь толстую, наносную, многолетнюю кору практической жизни и борьбы с нуждой»⁵.

Антон Павлович настолько хорошо запомнил отдельные особенности любимой Приазовской степи, что постоянно ее вспоминает, когда встречает в природе пейзажи, сходные с Приазовьем.

Проезжая по Сибири в мае 1890 г., Антон Павлович делится со своей сестрой наблюдениями:

«Сибирская равнина... очень похожа на нашу южно-русскую степь, если бы не мелкий березняк, попадающийся то там, то сям, и если бы не холодный ветер, покалывающий щеки... Тополей нет... соловьев нет, сороки и кукушки есть»⁶.

«Из леса выезжаешь на равнину, которая очень похожа на нашу донецкую степь, только здесь горные края грандиознее»⁷.

¹ Т. 14, стр. 26.

² Т. 14, стр. 343.

³ Т. 16, стр. 156.

⁴ Т. 18, стр. 14.

⁵ Вл. Гиляровский. «Москва и москвичи», изд. «Московский рабочий», 1955 г., стр. 466.

⁶ Т. 15, стр. 73, 85.

⁷ Т. 15, стр. 93.

Когда Чехов впервые ехал в июле 1888 г. в Крым, он обратил внимание на Таврическую степь — она ему не понравилась: «— уныла, однотонна, лишена дали, бесколоритна... и в общем похожа на тундру»¹.

Эта характеристика Таврической степи заканчивается указанием на отсутствие в этой степи того, что «мило и пленительно в других степях». Несомненно, Чехов имел в виду прежде всего «пленительные» для него особенности Приазовской степи.

Интересно отметить, что сопоставление Приазовья с другими русскими равнинами Чехов применил и в рассказе «В родном углу». Начало этого рассказа звучит как «лирическое отступление» автора, повествующее о любимом степном уголке с неповторимым пейзажем.

«Донецкая дорога... Около станции пустынно и нет других лошадей, кроме ваших. Вы садитесь в коляску, — это так приятно после вагона, — и катите по степной дороге, и перед вами мало-помалу открываются картины, каких нет под Москвой, громадные, бесконечные, очаровательные своим однообразием. Степь, степь — и больше ничего; вдали старый курган, или ветряк... Птицы в одиночку носятся над равниной, и мерные движения их крыльев нагоняют дремоту».

Чехов написал этот рассказ (как и другой рассказ со степным колоритом — «Печенег») в 1897 г., в Ницце, где он лечился. Писатель, тосковавший за границей по родине, вспоминал и свой родной край. Очевидно, эти воспоминания послужили одним из творческих стимулов для создания произведений о любимом степном уголке, который назван писателем «Донской Швейцарией».

Чехов в одном письме говорит об этих рассказах, что они «написались случайно, без заранее обдуманного намерения». Думается, что они написаны не случайно — они явились своеобразным, литературным выражением тоски писателя по родине. Отсюда идет тот проникновенный лиризм, которым насыщен особенно рассказ «В родном углу». Косвенным подтверждением правильности этой гипотезы являются заграничные письма Чехова этого периода, в которых видное место занимают признания в тоске по родине и частые упоминания о родном крае, о Таганроге.

«Хочется в Россию» — это звучит как лейтмотив в чеховских письмах из Ниццы. Восторженно отзываясь о Франции, ее культуре, писателях, о Париже, как «чудесном городе», Чехов вместе с тем отмечает, что «природа здешняя» его не трогает, она ему туж-

да: «Здесь розы не лучше наших, травы нет, флора декоративная, точно олеография, птиц не слышно и не видно»¹.

Как это характерно для Чехова, влюбленного в скромный, «левитанистый» пейзаж средней полосы России и в «очаровательную» южно-русскую степь! И разве случайно Чехов в письме из Ниццы весной 1898 г. трогательно вспоминает Приазовскую степь? Об этом мы узнаем из письма к Е. Шавровой: «Если Ваша сестра будет еще работать в Таганроге..., то пусть поклонится степи, которая там в апреле очень хороша»².

Как известно, до 1887 г. Таганрог и прилегавший к нему Миусский уезд входили в состав Екатеринославской губернии. А в 1887 году состоялось присоединение Таганрога и Миусского уезда к Области войска Донского, Миусский уезд был превращен в Таганрогский округ.

Кстати сказать, на это событие своеобразно реагировал Чехов в письме к Г. М. Чехову (от 23 июня 1887 г.): «Поздравляю с «Присоединением». Думаю, что Таганрогу от этого не будет ни лучше, ни хуже. Впрочем, быть может, будет больше внешнего порядка, будет едина власть вместо прадоначальника, который решительно был бесполезен и для Таганрога не нужен»³.

По-видимому, в связи с присоединением Таганрога к Области войска Донского Чехов в одном из последующих писем (Я. Корнееву) в шутку подписывается так: «Ваш есаул А. Чехов».

В письмах и произведениях Чехова мы находим названия таких населенных пунктов Таганрогского округа, как Покровская, Матвеев-Курган, Большая Крепкая, Есауловка, Новопавловка и др. Упоминается Чеховым и прославленный легендами высокий курган в Приазовской степи — Саур-Могилы.

Источники, которыми мы располагаем (письма и произведения Чехова, воспоминания родных и современников, статьи таганрогских авторов), дают возможность установить примерные географические границы большей части Приазовья, хорошо известной Чехову: от Еланчика на западе до Зверьево на востоке, от притаганрогских хуторов на юге к верховьям Миуса на севере. Такие северные пункты бывшего Таганрогского округа, как Саур-Могилы, села Есауловка и Новопавловка, Рагозинна балка находятся, по теперешнему административному делению, на территории украинских областей — Ворошиловградской и Сталинской, в тех их донбасских районах, которые граничат с Ростовской областью.

Таким образом. Приазовье в восприятии и в описаниях Чехова

¹ Т. 17, стр. 236.

² Т. 17, стр. 250.

³ Т. 13, стр. 345.

¹ Т. 14, стр. 132.

— это в основном бывший Таганрогский округ Донской области, это большой край юга России с своеобразным природным рельефом (степные равнины, балки, холмы, невысокие горные кряжи), с богатыми сельскохозяйственными и каменноугольными районами.

Необходимо, далее, указать, что коренное население б. Таганрогского округа — украинцы. Это обстоятельство сказалось в чеховских произведениях, изображающих Приазовье. Чехов, как писатель-реалист, не мог игнорировать этой стороны изображаемой им действительности и он вводит украинский колорит в свои «степные» произведения. Еще В. Г. Короленко в одном письме к Чехову заметил: «...в «Степи» у Вас много черточек малорусских»¹. Но так как Чехов не был просто бытописателем, а преследовал другие творческие задачи, то у него этнографический материал занимает довольно скромное место. Украинский колорит выражается в отдельных скупых штрихах и деталях: изредка упоминаются «хохлы» и «хохлашки» (в «Степи», «Красавицах», «Печенеге», «В родном углу»), бегло рисуется несколько фигур крестьян-украинцев (в «Степи» — Константин Звоник, 18-летний Степка, покупатель овса, подводчик, в «Красавицах» — кучер Карпо, в «Счастье» — пастухи); одежда украинцев (в «Степи» — подводчик был одет в «короткую хохлацкую чумарку» и в «синие шаровары на выпуск», Константин Звоник одет был в «чистую белую рубашу с шитым воротом, в белые шаровары и новые сапоги», в «Красавицах» — «ходил хохол в длинной жилетке и в широких шароварах»); называются украинские фамилии (Вахраменко, Звоник, Бондаренко); отмечаются некоторые особенности быта украинского населения (в «Степи» — вишневый садик с плетнем, колодец с журавлем, персонажи «сытно закусили пышками со сметаной»; в рассказе «На пути» — мальчишки ходят в рождественскую ночь со звездой, поют колядку: «Гей ты, хлопчик маненький...»).

Чехов избегал этнографических излишеств и в языке. В «степных» произведениях Чехова находим немного украинских слов: шибеница, клуня, хлопче, шлях, скеля, пивень, герлыга и некоторые другие. Крестьянские персонажи у Чехова пользуются, как правило, общерусским языком; только в одном случае писатель поставил покупателя овса в «Степи» произнести украинскую фразу («Хиба це овес? Це не овес, а полова, курам на смих... Ни, пиду к Бондаренку!»). В некоторых случаях в русскую речь персонажей Чехов включает украинские слова или украинские формы русских слов.

Примечательно, что в феврале 1888 г., когда создавалась «Степь», Чехов обвинял писателя Леонтьева-Щеглова в чрезмерном засорении языка повести «Идиллия» украинизмами: «На-

чать с того, что всю музыку Вы испортили провинциализмами, которыми усыпана вся середка. Кабачки, отчини дверь, говорить и прочее. За все это не скажет Вам спасибо великоросс... Язык щедро попорчен»¹.

Чехов использовал в «Степи» и других произведениях с приазовским колоритом украинизмы с большим художественным тактом.

В связи с наличием украинского колорита в произведениях Чехова необходимо несколько слов сказать об украинских интересах писателя.

Первоначальное знакомство с украинским языком, а также с бытом и фольклором украинского народа Чехов получил еще в гимназические годы в украинских селах Приазовья, особенно когда жил продолжительное время летом у дедушки и на хуторе у Кравцова. В дальнейшем эти знания расширялись и углублялись при посещениях гастрольных спектаклей в Москве (1887 г.) знаменитой украинской труппы Кропивницкого и во время пребывания на Луке около Сум летом 1888 и 1889 гг.

О большом круте украинских интересов Чехова свидетельствуют его письма, в которых встречаем много украинских слов и поговорок, ряд имен деятелей украинской литературы и театра, названий украинских пьес и т. д.

Чехов неоднократно заканчивает свои письма по-украински: «Будьте живеньки-здоровеньки» или «Прощайте».

Чехов очень часто в шутку называет себя «хохлом» и устанавливает свою украинскую родословную, вспоминая деда — крепостного «малоросса» и говоря о родителях, живших в Москве: «Мать и батька мечтают о своей Хохландии». А Суворину сообщает из Мелихово, что он убрал из колодца нафос и заменил его «хохлацким журавлем», и при этом замечает: «Во мне все-таки говорит хохлацкая кровь»².

И все же, как правильно подметил М. П. Чехов, Антон Павлович любил Украину только «платонически», большого следа в его творчестве она не оставила.

* * *

Приазовско-степной материал нашел отражение — в различной мере — в таких произведениях Чехова, как «Двадцать девятое июня», «Казак», «На пути», «Счастье», «Красавицы», «Степь», «Печенег», «В родном углу».

¹ Т. 14, стр. 47.

² Т. 15, стр. 358.

¹ В. Г. Короленко. Избранные письма, 1936, т. 3, стр. 151.

Трудно топографически точно локализовать события, описываемые в этих произведениях. Только в «Красавицах» (в первой ее части) дается точный адрес: Большая Крепкая и Бахчи-Салы. В «Счастье» упоминаются конкретные места Приазовья, но нет точных указаний, в каком именно месте происходил ночной разговор о счастье. А в остальных произведениях со степным колоритом изображаются реальные черты Приазовской степи без конкретной локализации. В рассказах «Печенег» и в «Родном углу» упоминаются Донецкая железная дорога, две безымянные степные станции и станция Провалье (ныне Красная Могила около узловой станции Зверево на линии, идущей от Зверево к Дебальцево). Герои указанных произведений сходят на степных станциях и едут в свои усадьбы, находящиеся от станций в 8 верстах (в «Печенеге») и в 20 верстах («В Родном углу»). Можно с большой долей вероятности предположить, что Чехов в этих произведениях изобразил те места донецкой степи, которые расположены к югу от станции Крестная (позднее Штеровка), те места, где Чехов бывал, когда гостил на хуторе Кравцова в Рагозиной балке, и которые он назвал в письме к Лейкину «Донской Швейцарией».

Нет никаких сомнений в том, что в «Печенеге» художественно-реалистически воплощены личные впечатления Чехова от Рагозиной балки, хутора и семьи Кравцова, а в образе «печенег» Жмухина, отставного казачьего офицера, отразились черты личности Кравцова, как это уже давно установлено биографами Чехова.

Некоторые авторы, особенно таганрогские, пытались точно локализовать места действий в произведениях Чехова с приазовско-степным колоритом. Так, П. Сурожский считал возможным приурочить место событий в рассказе «Счастье» к «степному взлобку» около Амвросиевки. Вряд ли можно согласиться с этим мнением, так как отара овец ночевала у шляха, а шлях на Амвросиевку не проходил. Более убедительным является мнение И. Новопокровского, предполагавшего, что ночной разговор, описанный в «Счастье», происходил в северной части Таганрогского округа, где-то между слободами Новопавловской и Есауловской.

Напрашивается вывод: для Чехова-писателя не играл существенной роли конкретный пункт Приазовья; его интересовали характерные особенности Приазовской степи (эту степь Чехов в своих письмах называет «донецкой» или «южно-русской»), а эти особенности — с различной полнотой и в различных вариантах — повторялись во всех произведениях, написанных на степном материале.

Чехов говорил (в письме к Г. М. Чехову от 9 февраля 1888 г.), что в повести «Степь» «действие происходит на юге, недалеко от

Таганрога», не считая нужным и важным (в письме и в повести) точно локализовать место действия.

Так Чехов мог бы сказать и о других своих произведениях со степным колоритом: действие происходит на юге, в Таганрогском округе.

* * *

Вопрос о биографических и творческих связях Чехова с его родным краем — Таганрогом и Приазовьем — давно стал интересовать земляков писателя, гордившихся тем, что их край дал России и всему миру великого писателя.

Заинтересовал этот вопрос также биографы Чехова и исследователи его творчества. Существует обильная критическая литература о связи творчества Чехова с Таганрогом и Приазовьем. Об этой связи писали дореволюционные и советские авторы.

Наиболее компетентные авторы, хорошо знавшие Таганрог и Приазовье (П. Сурожский, В. Тан-Богораз, А. Тараховский, П. Мечетинский и др.), высказали ряд ценных соображений о местном колорите в творчестве Чехова и установили локальные черты в отдельных произведениях писателя.

Прочно установлено, что в «Огнях» изображен Таганрог и жизнь таганрогских обывателей, что изучение писателем таганрогской действительности нашло некоторое отражение и в других произведениях Чехова, где рисуется русская провинциальная жизнь («Моя жизнь», «Ионыч», «Человек в футляре» и др.).

Установлено также, что в творчестве Чехова выделяется целый цикл произведений, в которых показаны природа и люди степных мест Приазовья (главным образом в «Степи», «Счастье», «В родном углу», «Печенеге»).

Учитывая отдельные положительные результаты разработки вопроса о местном колорите в творчестве Чехова, необходимо отметить также существенные недочеты и ошибки в литературе о Чехове по этому вопросу.

Многие авторы, особенно таганрогские, теряли чувство меры и видели таганрогский и приазовский материал чуть ли не во всех произведениях Чехова. А увлекшийся местным колоритом у Чехова П. Мечетинский писал, что «лирика Чехова сильнее и ярче всего блещет в тех произведениях, которые окрашены местным колоритом, в которых чувствуется родной юг. Здесь Чехов, всегда очень сдержанный и стыдливый, как бы раскрывает всю нежность и глубину своей души и поет почти самозабвенно, как поет птица на заре»¹.

¹ П. Мечетинский. «Лиризм А. П. Чехова» — в таганрогской газете «Приазовская речь» от 17 января 1910 г.

Вряд ли стоит доказывать односторонность, ограниченность взгляда П. Мечетинского на лиризм Чехова.

Другой существенный недочет литературы по местному колориту у Чехова — установление локальных моментов в произведениях писателя без раскрытия функции и значения местного материала. Любопытно, что точки зрения авторов на локальность материала в том или другом произведении Чехова расходились, а некоторые авторы меняли свою точку зрения от статьи к статье.

Так, П. Сурожский в статье «Живые персонажи у Чехова» (1910 г.)¹ считал, что место действия в рассказе «Счастье» находится около села Успенка, а в статье «Местный колорит в произведениях А. П. Чехова» (1914 г.)² называет уже не Успенку, а «степной взлобок» около села Амвросиевки.

Многие работы носят узко эмпирический характер — называется только конкретный местный материал без какой бы то ни было попытки проникнуть в идейно-художественную сущность местного колорита у Чехова. В некоторых случаях проявляется тенденция видеть в Чехове, авторе произведений с местным колоритом, только бытописателя Таганрога и Приазовья, и сузить значение творчества Чехова, сведя его реализм к двум «правдам» — «бытовой правде» и «местной правде», и делая акцент на том, что Чехов — «дитя своего города, своего края».

Отдельные авторы подходили к произведениям Чехова с местным колоритом только как этнографы и краеведы (не избежал этого даже В. Тан-Богораз), игнорируя эстетическую природу этих произведений, забывая, что они (произведения) имеют не только и даже не столько краеведческое значение, сколько художественно-реалистическое.

Советские чеховеды, понимая эмпиричность и узость подхода дореволюционных авторов к вопросу о местном колорите в творчестве Чехова, тем не менее в течение продолжительного времени устранились от разработки этого вопроса, по-видимому, в силу боязни обвинения в использовании одиозных географического и биографического методов изучения творчества писателя, а также в силу долго бытовавшего предрассудка, что местный материал якобы ограничивает творчество писателя, снижает качество его реалистического мастерства, превращает писателя-реалиста в натуралиста. Критикуя эту точку зрения, С. Трегуб правильно заметил: «Узость и ограниченность произведения идут, как правило, не от «местного материала», а от «мелкой пахоты»³.

¹ Газ. «Южный край», 1910, № 9891.

² Газ. «Приазовский край», 1914, № 171.

³ С. Трегуб. «О поэтическом богатстве и «местном материале». «Литературная газета», 1952, № 81.

Только в последние годы наметился поворот в чеховедении к глубокому и всестороннему изучению творчества Чехова, в том числе произведений с местным колоритом. Но все же вопрос о характере использования местного материала в творчестве Чехова остается недостаточно изученным. Предстоит еще работа по уточнению локальных моментов в произведениях Чехова и по уяснению особенностей, функции и значения местного материала в творчестве великого русского писателя, по установлению места и роли местного материала в реалистическом мастерстве Чехова.

Чехов нас поражает творческим разнообразием, богатством содержания, широким тематическим, жанровым, идейным диапазоном. Совершенно очевидно, что Чехов использовал в своей творчески разнообразной практике огромный материал своих жизненных наблюдений и впечатлений. В основу своих художественных произведений он клал конкретный местный материал — и таганрогский, и московский, и приазовский, и истринский, и мелиховский, и ялтинский. Местный материал в творческой лаборатории Чехова превращался в чистое золото искусства — в поэтические картины и типические образы с выраженными в этих картинах и образах глубокими мыслями и тонкими чувствами.

Чехов не раз в своих письмах осуждал современных писателей за узкое использование местного материала. Полно глубокого смысла высказывание Чехова, например, в письме к Суворину от 20 мая 1890 г., где Антон Павлович сообщает о знакомстве с одним сибириком — любителем литературы, «угостившим» Чехова рассказом, и дает этому рассказу такую оценку: «Не дурно, но только слишком местно».

Трудно найти другого писателя, кто умел бы так мастерски, как Чехов, оставляя в художественном произведении целые пласты конкретного местного материала, в то же время поднимать этот материал на большую высоту социальных и философских обобщений.

Перед исследователем творчества Чехова встает задача — не только определить конкретную жизненную почву, на которой выросло данное произведение, но и выяснить идейно-художественную функцию конкретного материала, своеобразие писательского использования этого материала в целях обобщения.

Мало определить источники материала; основное — в раскрытии характера материала и особенностей его использования в произведении. Нужно признать, что уже довольно хорошо изучены таганрогские источники материала отдельных произведений Чехова, кое-что сделано и для выяснения идейно-художественной функции таганрогского материала в его творчестве и роли этого материала в становлении и развитии реализма великого русского писателя.

Менее изучен вопрос о приазовско-степном материале у Чехова. Данная статья является попыткой внести посильную лепту в разработку этого вопроса.

В рассказе «Двадцать девятое июня», написанном в 1882 г. Чехов впервые дает описание степи в раннее летнее утро. «Степь обливалась золотом первых солнечных лучей и, покрытая росой сверкала, точно усыпанная бриллиантовой пылью. Туман прогнал утренним ветром, и он остановился за рекой свинцовой стеной. Ржаные колосья, головки репейника и шиповника стояли тихо и смирно, только изредка покланиваясь друг другу и шепчась. Над травой и над нашими головами, плавно помахиывая крыльями, носились коршуны, кобчики и совы. Они охотились...».

Описание точно — конкретное и в то же время поэтическое. В нем уже проявляется та картинность, которая характерна для степного пейзажа чеховских произведений второй половины 80-х гг. Это описание в какой-то мере предваряет картину наступления летнего утра в степи, показанную позднее, в рассказе «Счастье». Но в процитированном отрывке из комического «рассказа охотника никогда в цель не попадающего», степной пейзаж играет только роль декоративного фона, а в произведениях, написанных во второй половине 80-х гг., образ степи — это не только поэтический колорит места и времени, но и активный компонент художественной ткани, несущий большую социальную и философскую нагрузку. Эволюция степного пейзажа у Чехова отражала идейный рост писателя и совершенствование его художественного мастерства.

Говоря о локальности пейзажа в рассказе «Двадцать девятое июня», стоит указать на то, что в рассказе называется Еланчик — речка в западной части Таганрогского округа.

«Драма на охоте» Чехова, напечатанная в 1884 г., является как известно, талантливым пародией на уголовные романы 80-х годов. Мелодраматические события в этом произведении происходят на фоне большого озера — «водяного чудовища» — громадного, «сурового леса», состоящего из сосен, привлекательных «своею угрюмостью: неподвижны, бесшумны, словно унылую думу думают».

В этот «романтический» пейзаж Чехов вводит еще «Каменную Могилу» — гору, овеянную легендами.

Вот как описывается эта гора: «Через четверть часа мы, попирая тростями, плелись на гору, называемую у нас Каменной Могилой. У деревень существует легенда, что под этой каменно-

грудой покоится тело какого-то татарского хана, боявшегося, чтобы после его смерти враги не надругались над его прахом, а потому и заведавшего взвалить на себя гору камня. Но эта легенда едва ли справедлива... Каменные пласты, их взаимное положение и величина исключают вмешательство человеческих рук в происхождение этой горы. Она стоит особняком в поле и напоминает собою опрокинутый колпак».

Это описание наводит на мысль о том, что «Каменная Могила» — это Саур-Могила, расположенная в северной части б. Таганрогского округа (в 18—20 километрах к северо-западу от с. Куйбышева, в прошлом — Голодаевки).

Удивительно, как до сих пор не указали на эту деталь в «Драме на охоте», характерную для Приазовского пейзажа, даже местные, таганрогские авторы. Кто бывал на Саур-Могилах, тот легко может узнать в этом точном чеховском описании именно Саур-Могилу. Действительно, Саур-Могила отличается от других курганов Приазовья (Бузинова могила около Ореховской балки и др.) большой высотой (277 метров) и каменными пластами¹.

Кроме легенды, отмеченной Чеховым, в Приазовье существуют и другие легенды, связанные с Саур-Могилой. В одной из них фигурирует не татарский хан Саур, а степной разбойник Саур, живший в далекие времена в этом районе. Он разжигал на вершинах Могилах костры, давая таким образом знать другим разбойникам — Зулю и Харпызу, находившимся в соседних районах (ныне село Зуевка и город Харпызск) о приближавшей добыче (караваны, обозы и т. п.). Отзвуком этой легенды является рассказ «Счастье» Чехова: «Тут, где-то на этом кряже..., когда-то во время оно разбойники напали на караван с золотом; золото это везли из Петербурга Петру императору, который тогда в Воронеж флот строил. Разбойники побили возчиков, а золото закопали, да потом и не нашли»².

По всей вероятности, эта легендарная Саур-Могила настолько поразила воображение юного Чехова (не может быть никаких сомнений в том, что он побывал на ней, иначе он не смог бы дать точного описания этого своеобразного степного кургана), что писатель

¹ В настоящее время на Саур-Могилах, покрытой камнями в большом количестве, осколками бомб и снарядов, остатками железных немецких касок, виден памятник-обелиск в честь 5 Ударной армии, освободившей Донбасс от фашистских захватчиков.

² М. П. Чехов сообщает, что в семье Чеховых в Таганроге долго жила няня Агафья Александровна Кумская, любившая рассказывать о «таинственном, необыкновенном, страшном и поэтическом». По мнению М. П. Чехова, «Счастье» написано Антоном Павловичем под впечатлением ее рассказов.

решил ввести ее в свою «Драму на охоте» в качестве подходящего компонента для «романтического» пейзажа.

Через три года после опубликования «Драмы на охоте» Чехов в рассказе «Счастье» снова говорит о хорошо запомнившейся ему с юных лет Каменной Могиле, названной теперь уже Саур-Могилой.

«Солище еще не взошло, но уже были видны все курганы и далекая, похожая на облако, Саур-Могила с остроконечной верхушкой. Если взобраться на эту Могилу, то с нее видна равнина, такая же ровная и безграничная, как небо, видны барские усадьбы, хутора немцев и молочан, деревни, а дальнорский калмык увидит даже город и поезда железных дорог».

Действительно, с вершины Саур-Могила открываются широкие и далекие горизонты. Жители Сауровки и других сел, расположенных около Саур-Могила, рассказывают, что иногда, при соответствующем освещении, видны очертания города Таганрога и блеск воды Азовского моря.

А через 10 лет, в рассказе «В родном углу», Чехов еще раз вспоминает легендарную Саур-Могила.

* * *

Впервые приазовско-степной колорит довольно обстоятельно был представлен в рассказе «Счастье». Этот колорит был выражен в конкретно-реальных деталях. Следует отметить также, что отдельные детали этого колорита получили развитие в последующих произведениях Чехова, где фигурирует степь.

Когда читаешь рассказ «Счастье», то невольно вспоминаются слова Чехова о том, что он хорошо знает приазовскую степь и помнит в ней каждую балочку. Старик-пастух в «Счастье» рассказывает про Богатую балочку и то ее место, где она, как гусиная лапка, расходится на три балочки.

Кроме Саур-Могила, возвышающейся над степными просторами, кроме Таганрога, к которому тяготеет Приазовская степь, в этом рассказе упоминаются такие селения Приазовья, как Матвеев-Курган, Есауловка, Новопавловка и другие места 6. Таганрогского округа. Недаром на этот рассказ обратили особое внимание местные авторы. П. Сурожский писал в 1914 году: «А вот прелестное, поэтическое «Счастье». Кто знает этот район, который прилегает к Таганрогу, — холмистую, изрезанную реченками и балками степь, разбросанные по ней села и хутора, тот обрадуется этому рассказу как чуду. Здесь все местное, яркое, колоритное... Местный колорит взят настолько ярко и определенно, что можно указать даже место,

где стояла отара, изображенная в рассказе. Это какой-то степной взлобок возле села Амвросиевки...»¹.

В рассказе «Счастье» Чехов впервые показал шлях — широкую степную дорогу, у которой ночевала отара овец и где происходил разговор между пастухом и обездником. В рассказе есть упоминание о том, что шлях шел с Есауловки на Городище и что по этому шляху везли из Таганрога умершего там царя Александра.

О степном шляхе Чехов говорит и в повести «Степь»: «Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вместо дороги; то была серая полоса, хорошо выезженная и покрытая пылью, как все дороги, но шириною в несколько десятков сажень».

Воображение Егорушки, героя повести, было поражено этой «размашистой и богатырской» степной дорогой, как поразила эта дорога Чехова-гимназиста, не раз проезжавшего по этому шляху. Егорушка обратил внимание на деревянные могильные кресты, стоявшие у большой дороги, и жадно прислушивался к страшным рассказам взрослых о разбойниках и убийствах, тайну которых хранил молчаливый степной шлях...

Этот шлях Чехов вспоминает и в письме к А. Плещееву, написанном после поездки по степи весной 1887 года: «Видели ли Вы когда-нибудь большую дорогу? Вот куда бы нам махнуть! Кресты до сих пор целы, но не та уже ширина; по соседству провели чугунку, и по дороге теперь почти некому ездить: мало-помалу порастает травой, а пройдет лет 10, она совсем исчезнет или из гиганта обратится в обыкновенную проезжую дорогу»².

В этом же письме Чехов вспоминает, как в 1877 году он сильно заболел в дороге и провел страдальческую ночь на постоялом дворе еврея Моисея Моисеевича. Этот постоянный двор и Моисей Моисеевич потом перекочевали в повесть «Степь».

Не прошел автор «Счастья» и мимо такого факта, как появление в этом районе Донецкого края угольных шахт с их примитивной техникой — в шахтах часто срывались бадьи, и звук от упавшей на шахтное дно бадьи грозно проносился в ночной тишине, «рассыпаясь» по степи.

Чехов хорошо запомнил этот ночной звук в степи — о нем писатель упоминает не только в «Счастье», но и в последнем произведении — «Вишневом саде».

О шахтах и заводах, встречавшихся наряду с помещичьими усадьбами в северной части Таганрогского округа, более подробно

¹ П. Сурожский. «Местный колорит в произведениях Чехова». Газ. «Приазовский край», 1914 г., № 171.

² Т. 14, стр. 37.

говорится в рассказе «В родном углу». Уже в начале рассказа рисуется такая деталь: по степной дороге везут на волах каменный уголь. А затем показаны служащие на шахтах и заводах — инженеры, штейгеры (горные техники), врачи, их времяпрепровождение: карты, танцы, ужины. «Иногда пели малороссийские песни и очень недурно... Или сходились все в одну комнату и тут в сумерках говорили о шахтах, о кладах, зарытых когда-то в степи, о Саур-Могилах...»

Говорится о шахтах этого донбасского района и в рассказе «На пути», в котором тоже ощущается местный колорит.

Чехов не раз останавливался в своих произведениях на такой особенности Приазовского края: в степных просторах пасутся отары овец в несколько тысяч голов, принадлежащие богатым экonomies.

Когда читаешь в рассказе «Счастье» и в повести «Степь» про эти громадные отары, появляется мысль: не вспоминал ли Чехов, описывая отары, голюдаевского помещика Мартынова, имевшего несколько десятков тысяч десятин земли, или не менее богатого зюевского помещика Иловайского? Кстати сказать, в рассказе «На пути» выводится окончившая институт благородных девиц в Новочеркасске молодая помещица Иловайская, сообщившая герою рассказа Лихареву, что «имение у ее отца громадное». Здесь уже прямо называется фамилия реального степного помещика.

* * *

В рассказе «Счастье» Чехов впервые уделяет особое внимание степному пейзажу. Картины природы и разговор чабана с обозчиком даны в гармоническом сочетании. Разговор о счастье включен в пейзажную рамку — в начале и в конце рассказа дается описание степной природы, и паузы в разговоре заполняются пейзажными зарисовками. А главное — пейзаж дан в движении: показан как в течение длительного разговора летняя ночь постепенно переходит в утро.

На пейзажное мастерство Чехова обратил внимание художник И. Левитан: «...в рассказе «Счастье» картина степи, курганов, овец поразительны»¹.

В степном пейзаже «Счастья» проявилась та картинность, которую Чехов считал основным качеством пейзажа в литературном произведении: «Описание природы должно быть прежде всего картинно, чтобы читатель, прочитав и закрыв глаза, сразу мог вообразить себе изображаемый пейзаж...»².

¹ И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания. М., 1956. стр. 37.

² Т. 16, стр. 235.

Вот как описываются в «Счастье» летняя ночь и наступление утра в степи:

«В сонном застывшем воздухе стоял монотонный шум, без которого не обходится степная летняя ночь; непрерывно трещали кузнечики, пели перепела, да на версту от отары, в балке, в которой тек ручей и росли вербы, лениво посвистывали молодые соловьи... На сером фоне зари, начинавшей уже покрывать восточную часть неба, там и сям видны были силуэты не спавших овец; они стояли и, опустив головы, о чем-то думали... Проснувшиеся грачи, молча и в одиночку, летали над землей... Окруженное легкой мутиью, показалось промадное багровое солнце. Широкие полосы света, еще холодные, купаясь в росистой траве, потягиваясь и с веселым видом, как будто стараясь показать, что это не надоело им, стали ложиться по земле. Серебристая полынь, голубые цветы свинячей дыбульки, желтая сурепка, васильки — все это радостно зашестрело, принимая цвет солнца за свою собственную улыбку... А когда солнце, обещая долгий, непобедимый зной, стало припекать землю, все живое, что ночью двигалось и издавало звуки, погрузилось в полусон...»

Так картинно описать степь мог только Чехов, влюбленный в степь, не раз проводивший летние ночи в степи.

Уже в «Счастье» наметились те характерные черты чеховского степного пейзажа, которые получили дальнейшее свое развитие в произведениях «Степь» и «В родном углу»: безграничная, молчаливая равнина; широкая дорога; вековые, суровые курганы, хранящие степную тайну и равнодушные к человеку; ленивый полет степных долговечных птиц.

В «Счастье» проявились также те особенности творческого метода, каким пользовался Чехов в описаниях степной природы: реалистическая конкретность, философские раздумья, лирическое настроение.

* * *

Чехов очень удачно назвал свою повесть «Степь» «степной энциклопедией»: в сравнении с другими произведениями, рисующими Приазовье, в повести с наибольшей полнотой показаны картины степной природы, изображены степные люди и выражены заветные думы и настроения писателя.

В повести создан многогранный образ степи, насыщенный глубоким содержанием. Степной пейзаж обогатился новыми качествами, новыми поэтическими красками. Чехов показывает разнообразные картины степной природы через восприятие Егорушки.

Перед глазами Егорушки, выехавшего из города в степь, расстилалась широкая, бесконечная равнина с загорелыми, бурозеле-

ными холмами, исчезающими в лиловой дали, и опрокинутое над ними небо. Кое-где виднелись курганы, вырастала на мгновение серая, каменная баба.

Широкая степная дорога своим простором возбуждала в Егорушке недоумение и наводила его на сказочные мысли. По сторонам дороги мелькали полосы пшеницы, бурьян, молочай, дикая конопля. Егорушка наблюдал, как от налетевшего ветра по степи, вдоль и поперек, спотыкаясь и прыгая, побежали перекасти-поле.

Егорушка видел, как у самой дороги вспорхнул стрепет, а из травы вылетел коростель. Стадо куропаток, испуганное бричкой, вспорхнуло и со своим мягким «тррр» полетело к холмам. Грачи, состарившиеся в степи, спокойно носились над травой или равнодушно долбили своими толстыми клювами черствую землю. Летал коршун, солидно взмахивающий крыльями.

Встречались на пути небольшие балочки с ручьями, вытекающими из скалистых холмов, с густой, пышной осокой, зеленеющей по течению ручья, с бекасами, часто вылетающими из осоки. Видел Егорушка и балочки с кустарниками, где ютятся совы и «сплюки», и лесные балочки, где поют соловьи. А около деревень — тихие, скромные речки с голубой водой, — один берег их порос камышом, а на другом стояли вербы.

Егорушка заметил, что в знойный полдень наступала в степи тишина, и даже отдельные звуки не нарушали тишины и не будили застывшего воздуха, а, напротив, вгоняли природу в дремоту.

Егорушка слышал в степи, как плакали чибицы, как кузнечики, сверчки, скрипачи и медведки тянули в траве свою скрипучую монотонную музыку. Особенно слышна была эта степная музыка после захода солнца: из травы доносился непрерывный гул — треск, подсвистывание, царапанье, — то выступали степные басы, генора и дисканты.

Поражает во всех этих степных картинах наблюдательности Чехова. На каждой странице «Степи» можно обнаружить меткие замечания, передающие точные приметы степной природы в поэтически ярком стиле.

Чехов заметил, например, что в июльские вечера и ночи уже не кричат перепела и коростели, не поют в балочках соловьи, не пахнут цветами.

Тонкая восприимчивость писателя сказалась в таком его ощущении: небо в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным.

Чуткий к красоте, Чехов в своей повести подчеркивает красоту степи и в целом и в отдельных ее явлениях.

«Торжество красоты» чувствуется «во всем, что видишь и слышишь». Небо в степи — «страшно красиво и ласково, глядит том-

но и манит к себе». Одинокий тополь в степи — «красавец». Камышовые цветы «красивыми кистями наклонились к воде». Да можно ли перечислить все красивое, что обнаружил Чехов в степи? Красоту Чехов заметил не только в степном пейзаже, но и в людях, связанных со степью — в Дымове, который казался красивым и необыкновенно сильным, в Дранищкой — молодой, очень красивой женщине, в Егорушке, непосредственно переживающем красоту природы.

Картинность в описаниях природы в «Степи» особенно разительна, причем, для создания этой картинности Чехов в повести чаще и выразительнее пользуется приемом олицетворения явлений природы. Стоит сравнить описание летнего утра в «Степи» с аналогичным описанием в «Счастье», чтобы убедиться в усилении выразительности приема олицетворения.

Вот описание утра в «Степи».

«Солнце уже выглянуло сзади из-за города и тихо, без хлопот принялось за свою работу. Сначала, далеко впереди, где небо сходится с землею, ...поползла по земле широкая ярко-желтая полоса, через минуту такая же полоса засветилась несколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; что-то теплое коснулось Егорушкиной спины, полоса света, подкравшись сзади, шмыгнула через бричку и лошадей, понеслась навстречу другим полосам, и вдруг вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полутень, улыбнулась и засверкала росой».

И в другом месте: «...уже восходило солнце; курган заслонял его собою, и оно, стараясь брызнуть светом на мир, напряженно паялило свои лучи во все стороны и заливало горизонт золотом».

Кстати, в степном пейзаже очень пленяла Чехова картина наступления утра — в различном объеме, с различными художественными вариациями утренний пейзаж рисуется и в рассказах «Двадцать девятое июня», «Казак», «Счастье», в которых изображение степи дается через поэтическую картину утреннего пробуждения природы.

Но, конечно, не менее выразительными являются у Чехова и художественно-реалистические описания вечера и ночи в степи. Чехов, показывая степь, не прошел и мимо наиболее «скучного» периода в степных сутках, — знойного полдня, когда в степи становится душно и уныло, когда равнина и холмы кажутся оцепеневшими от тоски..

А в «Красавицах» картина знойного и томительно-скучного полдня дополняется описанием страшного ветра — суховей: «От жара и сухого, горячего ветра, гнавшего нам навстречу облака пыли, слипались глаза, сохло во рту».

Любимой, красивой деталью степного пейзажа у Чехова является коршун, плавно летающий над широкими просторами степи.

Когда Чехов в апреле 1887 года подъезжал к родному краю, он особо отметил в открывшейся ему из окна вагона панораме степи: «Виду старых приятелей — коршунов, летающих над степью». Наряду с коршунами, Чехов часто показывает и других степных птиц — грачей. Чехов подметил одну особенность: коршуны и грачи летают в одиночку. На эту особенность он часто указывает в произведениях.

«Уже не один, три коршуна, в отдалении друг от друга, носились над степью» («Казак»).

«Проснувшиеся грачи, молча и в одиночку, летали над землей» («Счастье»).

«Птицы, в одиночку, низко носятся над равниной, и мерные движения их крыльев нагоняют дремоту». («В родном углу»).

Чехов, видимо, очень любил тополь. Об «удивительных» тополях в полтавском имении Смагиных говорит Чехов в одном письме 1888 г., а в другом, описывая сибирский пейзаж, отмечает: «Тополь нет». (1890). В «Драме на охоте» упоминаются тополи у подножья «Каменной Могилы».

Свой любимый тополь Чехов включил в пейзаж «Степи», описав его в особенно эмоциональной, лирико-философской тональности: «А вот на холме показывается одинокий тополь: кто его посадил и зачем он здесь — бог его знает. От его стройной фигуры и зеленой одежды трудно оторвать глаза. Счастлив ли этот красавец? Летом зной, зимой стужа и метели, осенью страшные ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кроме беспутого, сердито воющего ветра, а главное — всю жизнь один, один...».

А тополь в зимнюю пору, тоже в степном пейзаже и тоже в связи с мотивом одиночества Чехов рисует в рассказе «Шампанское»: «На дворе во всей своей холодной нелюдимой красе стояла тихая, морозная ночь... Тополь высокий, покрытый инеем, показавшись в синеватой мгле, как великан, одетый в саван. Он поглядел на меня сурово и уныло, точно, подобно мне, понимал свое одиночество. Я долго глядел на него».

Интересный штрих: в «Шампанском» степь показана в новом ракурсе — в восприятии уроженца севера, заброшенного волею судеб в глухой степной уголок. Северянин не увидел красоты в степи: «Летом она со своим торжественным покоем... наводила на меня унылую грусть, а зимой безукоризненная белизна степи, ее холодная даль, длинные ночи и волчий вой давили меня кошмаром».

Белинский говорил: где жизнь, там и поэзия. Чехов обладал исключительным чутьем к подлинно прекрасному в жизни, он умел

находить красоту в природе, человеке, искусстве. Для Чехова весьма характерна мысль, что чувство красоты в человеке не знает границ и рамок¹.

Чехов по натуре своей был истинным поэтом, ибо, пользуясь словами Белинского, умел видеть действительность с ее поэтической стороны. Вот почему Чехов сумел открыть такие залежи красоты в степном пейзаже, какие до него никто в русской литературе не показывал.

Интересное сопоставление Чехова с Гончаровым дает Л. Щепкина-Куперник в своих воспоминаниях о Чехове: «Гончаров в «широкой и голой степи» видел воплощение скуки. А вот Чехов написал «Степь», рассказ почти без содержания, без завязки и развязки, но как много увидел он в этой степи, какое богатство красок, наблюдений, впечатлений!»².

Краски, звуки, аромат степной природы передаются писателем изумительной поэтической силой, с поразительным проникновением в тайны степи, в особенности степного пейзажа. Чехов в своем лирическом монологе в «Степи» говорит о «торжестве красоты», которое «чудится» во всем, что он увидел и услышал в степи.

Чехов, как поэт степи, очень напоминает героя «Степи» Васю, который видел в степи то, чего не видели другие люди.

Чехов рассказывает, что зрение у Васи было поразительно острым: он видел так хорошо, что бурая пустынная степь была для него всегда полна жизни и содержания.

«Благодаря такой остроте зрения, кроме мира, который видели все, у Васи был еще другой мир, свой собственный, никому не доступный и, вероятно, очень хороший, потому что, когда он глядел и восхищался, трудно было не завидовать ему».

Что-то есть в этом образе Васи глубоко личное, созвучное натуре Чехова.

Крупнейший мастер пейзажной живописи Левитан так высоко ценил чеховский степной пейзаж потому, что в этом пейзаже художник увидел близкую ему эстетическую позицию. Левитан в своем творчестве следовал принятому им эстетическому принципу: нужно брать самое простое, самое обычное и в нем находить красоту.

Левитановский принцип восходит к эстетике и творческой практике Пушкина. И Чехов, как пейзажист, продолжал пушкинскую традицию в изображении родной природы — он показал поэтическую прелесть скромных картин русской природы. И у Чехова, как и у Пушкина, встречаемся с философским противопоставлением: недолговечный человек и вечно — прекрасная, равнодуш-

¹ Т. 13, стр. 259.

² Т. Л. Щепкина-Куперник. «О Чехове». Сб. «Чехов в воспоминаниях современников», 1954 г., стр. 331.

ная к человеку природа. Но Чехов — пейзажист пошел дальше Пушкина в поэтическом и философском осмыслении природы.

Белинский в 5-й статье о Пушкине говорил, что поэт созерцает природу удивительно верно и живо, но не углублялся в ее тайны языка, — он рисует ее, но не мыслит о ней. Белинский отмечал превосходство Гете перед Пушкиным, ибо Гете не просто изображал природу, а заставлял ее раскрывать перед ним ее заветные, сокровенные тайны.

По существу то же о Гете говорил и Герцен в «Письмах о изучении природы»: «Он был мыслящий художник... для него природа — жизнь, та же жизнь, которая в нем, и потому она ему понятна, и более того: она звучна в нем и сама повествует нам свою тайну»¹.

Чехов, подобно Гете, часто подходил к природе не только как поэт, но и как мыслитель, он насыщал свои пейзажи большим философским содержанием, — особенно в классическом описании степи. И в данном случае в художественной манере Чехова — пейзажиста сказались его естественно-научное образование; Чехов, как Гете, был одновременно поэтом и естествоиспытателем. Непосредственно Чехов в одном письме подчеркивал близкое ему сочетание в Гете этих двух качеств: «...в Гете рядом с поэтом прекраснейшим образом соединены естественник»².

Образ степи, созданный Чеховым, прежде всего отличается реалистической конкретностью; степной пейзаж содержит в себе точные приметы Приазовского края.

Опираясь в своей творческой практике всегда на знакомую ему «натуру», Чехов умел превращать отдельные явления действительности в большие идейно-художественные обобщения. Чехов нашел в приазовско-степном материале такие особенности, которые стали интимно созвучными его идейным и философским исканиям в годы перелома, когда как раз было создано наибольшее количество его произведений со степным колоритом, и которые дали возможность тонкому писателю-реалисту использовать этот материал для постановки коренных вопросов своего творчества.

Особенности степного пейзажа в творческой лаборатории Чехова стали связываться какими-то внутренними нитями с раздумьями писателя о родине, народе, смысле жизни, красоте.

Процесс философского осмысления степного пейзажа выразился у Чехова в двух формах — отдельные особенности степи и прямо связываются в тексте произведений с философскими мотивами.

Иногда или приобретают новый смысл в лирико-философском «подтексте», причем некоторые пейзажные мотивы получают значение художественно-реалистического символа.

Приведем несколько примеров из текста «степных» произведений Чехова, чтобы показать, как звучат пейзажные мотивы в философской тональности.

«Сторожевые и могильные курганы, которые там и сям высились над горизонтом и безграничной степью, глядели сурово и мертво; в их неподвижности и беззвучии чувствовались века и полное равнодушие к человеку; пройдет еще тысяча лет, умрут миллиарды людей, а они все еще будут стоять, как стояли, нимало не сожалея об умерших, не интересуясь живыми, и ни одна душа не будет знать, зачем они стоят и какую степную тайну прячут под собой».

Проснувшись грачи, молча и в одиночку, летали над землей. Ни в ленивом полете этих долговечных птиц, ни в утре, которое повторяется аккуратно каждые сутки, ни в безграничности степи — ни в чем не видно было смысла». («Счастье»).

«Летит коршун над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни» («Степь»).

«Когда долго, не открывая глаз, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются в сознании одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одиноким, и все то, что считал раньше близким и родным, становится бесконечно далеким и не имеющим цены. Звезды, глядящие с неба уже тысячи лет, само непонятное небо и мгла, равнодушные к короткой жизни человека, когда остаешься с ними с глазу на глаз и стараешься постигнуть их смысл, гнетут душу своим молчанием; приходит на мысль то одиночество, которое ждет каждого из нас в могиле, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной...» («Степь»).

Это место «Степи» в аналогичной лирико-философской тональности повторилось в позднейшей повести Чехова «В овраге», где показана одинокая Липа после смерти ребенка.

«О, как одиноко в поле ночью, среди этого пения, когда сам не можешь петь, среди непрерывных криков радости, когда сам не можешь радоваться, когда с неба смотрит месяц, тоже одинокий, которому все равно — весна теперь или зима, живы люди или мертвы... Когда на душе горе, то тяжело без людей».

И здесь, как и в «Степи», дается сложная эмоциональная ситуация: в оптимистическую стихию окружающей жизни врывается скорбный мотив одиночества человека. Мотив одиночества Липы звучит среди «непрерывных криков радости» оживающей весенней

¹ А. И. Герцен. Собрание сочинений, том 3, 1954 г., стр. 114—115.

² Т. 14, стр. 368.

природы. Писатель, показывая горе одинокого человека, подчеркивает, что такому человеку «тяжело без людей».

О большом оптимизме, заложенном в содержании «Степи» Чехова, о ее оздоравливающем влиянии на больных и одиноких человеческие натуры интересно рассказано в произведении И. А. Новикова «Антон Павлович».

Учитель географии и ботаники Рыбинцев тяжело переживает личную драму; он замкнулся в себе, стал недоверчиво относиться к людям, к жизни. И вот однажды в его руки попала чеховская «Степь». Перечитывая ее, Рыбинцев все больше и больше «отрешался от самого себя». Писатель-доктор излечил Рыбинцева. Чехов помог ему «найти самого себя», ясными глазами посмотреть на жизнь, людей. Рыбинцев стал понимать, что и трудное в жизни можно преодолеть, если не замыкаться в своем одиночестве, не сторониться людей.

«Егорушке, мальчику, открывалась в поездке его по степи жизнь, как она есть; и то, что здесь не было ни прикрас, ни утайки и все же все было свежо, как юный ручей, — это и было так же прекрасно, как воздух, как ощущение жизни самой по себе. В повести не было решительно ничего, что хоть как-нибудь перекликалось бы с коверкавшей его внутренней драмой, и опять-таки именно это и было для него истинно благотратно. Ничто не касалось больных его мест, и все было целебно. Три человеческих существа точно сливались в нем воедино: он сам, мальчик Егорушка, Чехов».

Чехов своей «Степью» оказал благотворное влияние на одинокого человека с коверкавшей его внутренней драмой. Под влиянием широкого взгляда Чехова на жизнь, этот человек отказался от своей узкой точки зрения на окружающий его мир, ощутил мудрое понимание жизни, прелести жизни «самой по себе», стал здоровым человеком.

С мотивом одиночества связан в чеховском пейзаже и топол красавец.

Как в подчеркивании долголетия степных птиц-грачей — ощущается скорбная дума автора о скоротечности жизни человека, так и в крестах, стоящих у широкой степной дороги (в «Степи») олицетворяется мысль о вечности природы и бренности человека.

И везде, как мы видели, Чехов говорит о равнодушии к человеку вечной молчаливой, прекрасной природы.

Характерно для Чехова, что его скорбные, порой мрачные мысли о жизни и человеке так непосредственно выражены в «Степи» и в «Счастье», — в тех произведениях, где Чехов выдвигает на

первый план лирическую тему Родины и где он оптимистически решает вопрос о народном счастье. Совершенно очевидно, что скорбь Чехова, большого оптимиста, горячо любящего жизнь и человека, это не «мировая скорбь», не философский пессимизм, а гражданская скорбь великого писателя-патриота, страдающего от сознания трудной судьбы человека и народа в окружающей его жизни.

Тут у Чехова, как и у его предшественника и любимого писателя Лермонтова, проявился тот «действительный пессимизм», который был направлен против социальных уродств, несправедливости в жизни.

Гражданская скорбь Чехова о тяжелом положении человека-труженика и обездоленности народа в буржуазной действительности и в то же время вера писателя в живые, творческие силы человека и народа лежат в философском подтексте его «степных» произведений, обуславливают сочетание светлого и мрачного, радостного и скорбного в эмоциональном содержании этих произведений.

Некоторые философские мотивы в творчестве Чехова генетически связаны с Приазовской степью. Эти мотивы, навеянные особенностями степной природы, вошли в философскую и эстетическую концепцию творчества Чехова как выразительные и многозначительные элементы.

Чехов в письмах и в произведениях часто пользуется словом «простор» как синонимом духовно богатой, творчески разнообразной жизни человека. Думается, что философский подтекст слова «простор» идет у Чехова от восприятия громадных просторов степи, так сильно поразивших творческое воображение писателя.

Одной из понравившихся Чехову особенностей степного пейзажа, связанной со степными просторами, является даль — этот пейзажный мотив тоже стал многозначительным у Чехова. С ним связана мысль о необходимом для человека постоянном стремлении вперед, к большой цели в жизни. С ним ассоциировалась и патриотическая дума писателя о светлом, счастливом будущем родины. Совершенно не случайно, что Чехов требовал от постановщиков «Вишневого сада» в пейзажном оформлении 2-го акта, где Трофимов выступает с патриотическим монологом о России, значительной дали.

Чехов, разделявший мысль Короленко о том, что человек создан для счастья, как птица для полета, любил характеризовать мешанскую жизнь как бескрылую, «отсасывающую» у человека крылья, и называл крылатой жизнь человека с большим размахом, поднимающегося над мешанскими буднями и обывательскими интересами. Не идет ли этот мотив крылатой, большой человеческой жизни от наблюдений Чехова за красивыми и мощными полетами степных птиц? Вспомним, что автор «Степи» выражал страстное желание «лететь над степью вместе с ночной птицей». В этих словах кроется большой философский и патриотический подтекст.

¹ Опубликовано в 3-м томе избранных сочинений И. А. Новикова, М. 1955 г. стр. 292—301.

Чеховеды обратили внимание на то, что писатель часто пользуется эпитетом «тихий» — может быть, и он идет от степных впечатлений Чехова, от поразившей его особенной тишины в степи.

Чехова пленил и широкий степной шлях, который приобрел его «Степи» определенное символическое обозначение пути к большому, настоящему счастью и послужил ценным материалом для разработки темы скитальчества, поисков русским человеком счастья.

Интересно сопоставление Гиляровским чеховской степи с гоголевской. «Не та буйная, казацкая, гоголевская степь с ее надетами запорожцев, а тихая, спокойная степь времени его детства юности»¹.

Гиляровский рассказывает о том, какое сильное впечатление произвела на него «Степь» Чехова и как он высказал Антону Павловичу свой восторг: «Предесты! Ведь, это же настоящая, настоящая степь! Прямо дышишь степью, когда читаешь... Тихо все, читаешь, будто сам в телеге едешь, тихо-тихо едешь...»².

Передавая содержание разговора с Антоном Павловичем «Степи», Гиляровский приводит высказывание Чехова о будущей степи, когда, по словам писателя, опять будут «ватаги буйные», «Гонты, и Гордиенки, и Стеньки Разины...»

Когда читаешь это место воспоминаний Гиляровского, то приходят на ум те страницы «Степи», где Чехов говорит о широкой степной дороге, по которой должны шагать сказочные богатыри и где автор с большой симпатией описывает буйного Дымова, которого сила по жилушкам переливает. И тогда воспоминание Гиляровского об этом многозначительном разговоре с Чеховым воспринимается как ценный комментарий к этим местам «Степи». Тем более, что Чехов в «Степи», как и в «Счастье», ставит вопрос о народном счастье, о том «талисмানে», который должен найти народ, чтобы добыть «клад» — свое счастье.

И все же, хотя в передаче Гиляровским многозначительных слов Антона Павловича ощущается революционный подтекст, нельзя видеть в этом высказывании Чехова мысли о близкой народной революции. Известно, что Чехов в письме к А. Плещееву (от 9 февраля 1888 г.), комментируя образ Дымова, говорил, что такие фигуры созданы «прямохонько для революции», но «революции в России никогда не будет».

Чехов не знал путей борьбы народа за счастье. В словах Чехова о буйных ватагах и Стеньках Разиных дается лишь образ

Реалистический пейзаж в «степных» произведениях Чехова имеет две характернейшие особенности. Автор дает философское осмысление природы и насыщает степной пейзаж своим личным, эмоциональным отношением к природе. Чехов изобразил не только степь, но и те чувства и настроения, какие он переживал в степи. Произведения Чехова о степи — это лирический эпос писателя: эпический размах в изображении степи и степных людей сочетается в них с интимно-лирическими переживаниями автора.

Степь у Чехова — сложный художественный образ. В нем заключено не только эстетическое и философское содержание, но и патристическое. Степной пейзаж у Чехова имеет не только эстетическую ценность. Образ степи — это лирический образ Родины.

Устами писателя Тригорина в «Чайке» Чехов, несомненно, выражал свои сокровенные мысли: «Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и прочее, и прочее».

Степной пейзаж Чехова — в высшей степени патристичен. Когда Чехов любит отдельные картины степной природы, он любит богатством и красотой родной земли. В степном пейзаже Чехова отразилась страстная любовь писателя к родной природе, к Родине. Об этом сам Чехов выразительно сказал в «Степи»: «Душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей».

Патристическим настроением пронизаны не только картины степной природы, но и образы степных людей.

«Счастье» Чехов считал одним из лучших своих рассказов — об этом он писал Я. Полонскому, которому посвятил этот рассказ. И это справедливая оценка. Ценность этого рассказа не только в замечательном степном пейзаже, колоритных фигурах степных людей — пастухов и обездника. В рассказе находим глубокое содержание. На степном материале Чехов поэтически разработал волновавшую его тему народного счастья, показал бедственное положение народа и выразил веру в его счастливое будущее.

В «Счастье» Чехов показывает социальную иерархию в современном ему обществе. Писатель заставил старика-пастуха его простыми, но глубоко значительными словами рассказать о том, как власть имущие и богатые отняли у народа право на человеческое существование.

¹ Вл. Гиляровский. «Москва и москвичи». 1955 г., стр. 466.

² Там же, стр. 472.

Глубокий социальный смысл заключен и в образах степных людей в повести «Степь». Тут показаны тоже два полюса собственного мира: с одной стороны, степной хищник Варламов, имеющий несколько десятков тысяч десятин земли, около сотни тысяч овец и очень много денег, а с другой — нищий Соломон, возчики с ногами босыми или обутыми в лапти, одетые в короткую чумарку, всю усыпанную латками, и тоже мечтающие, как и старик-пастух в рассказе «Счастье», о кладах, о счастье, и, наконец, страшная фигура маленького мальчика в одной рубашке, пухлого, с большим оттопыренным животом и на тоненьких ножках.

Чехов показывает проникновение в степную жизнь капиталистических отношений, несущих народу кабалу и нищету.

Чехов противопоставляет Варламову, у которого вся жизнь в деньгах и наживе, нищего Соломона, который «больше похож на человека», который понимает, что не в деньгах счастье, что смысл жизни настоящего человека не может заключаться в наживе. В нем живет чувство человеческого достоинства, и оно является критерием его оценки людей и человеческих взаимоотношений.

Так Чехов в «Степи» впервые во весь рост поставил большую этическую тему — о смысле человеческой жизни, о счастье человека, и решил ее с позиций демократического гуманизма.

На близком Чехову, поэту и мыслителю, степном материале была поставлена писателем и тема красоты, весьма характерная для творчества писателя. Тема красоты степной природы является одной из основных тем произведений Чехова о Приазовской степи. А в рассказе «Красавицы», первая часть которого связана со степным материалом, можно видеть программное произведение, посвященное теме красоты человека. В этом произведении Чехов впервые в своем творчестве поставил вопрос о значении красоты в человеке и высказал свою заветную мысль о необходимости гармонического сочетания в человеке внешней и внутренней красоты.

А. М. Горький говорил: «Я не навязываю художественной литературе задач «краеведения», этнографии, но все же литература служит делу познания жизни, она — история быта, настроений эпохи»¹.

В этих словах заключена верная мысль: литература это не «краеведение», она — «человековедение», но изображая человека, окружающую его жизнь, природу, писатель не может пройти мимо бытовых и этнографических особенностей жизни, мимо местного материала, а это имеет уже и краеведческое значение.

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 25, 1953 г., стр. 250.

Художник-реалист не может быть просто бытописателем или краеведом, он должен на бытовом и местном материале ставить и решать серьезные вопросы жизни, давать большие обобщения.

Мы знаем таких писателей, которые умели местную тему поднять на высоту больших социальных и философских обобщений (Мамин-Сибиряк, Короленко, Шолохов и др.). Среди этих писателей одно из первых мест занимает Чехов.

Чехов-художник отличается исключительным интересом и любовью к жизни во всех ее проявлениях, в ее различных красках. Тогда — живые, реальные черты местного колорита в его произведениях.

Как и другие местные материалы, таганрогский и приазовский материал в произведениях Чехова богат реалистической документальностью и социально-философским содержанием.

Чехов, большой мастер реалистического искусства, отбирает нужный ему местный материал целеустремленно, с чувством меры и тонко выражает свое личное отношение к этому материалу. Личное, местное, поэтическое, философское в произведениях с местным колоритом сливается у Чехова в художественно совершенный план.

Чехов, автор «степных» произведений, выступает перед нами одновременно — и как любознательный краевед, открывший для русской литературы новый край — Приазовье с характерными особенностями этого края, подмеченными наблюдательным художником; и как патриот, глубоко любящий родину и свой родной край, остро переживающий обездоленность народа и мечтающий о счастье народа; и как поэт, нашедший столько красоты в обыденном степном пейзаже; и как философ, выразивший столько глубоких ум о человеке, о смысле жизни, о счастье, о красоте.

В свое время Энгельс в статье «Ландшафты» писал: «Степи уранили немало, вся литература полна проклятиями ей, сделав ее, как в «Эдипе» Платона, предметом сатиры, но почему-то забыли скрыть ее редкую прелесть, ее затаенное поэтическое очарование»¹.

Эту особенность степи показал гениальный новатор Чехов, открывший в степи «редкую прелесть» и «затаенное поэтическое очарование».

Чехов, поэт степи, обогатил наше представление о степи и создал новый образ степи в художественной литературе.

Тема степи у Чехова тем самым приобрела первостепенное значение в истории мировой литературы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, т. П. М. 1929 г., стр. 55—56.